

ПАМЯТЬ ЖИВЕТ В СЕРДЦАХ

ФИЗИКА И ЖИЗНЬ

Слово об отце

В. Ю. Ирхин,
доктор физико-
математических наук

В январе 2008 года ушел из жизни Юрий Павлович Ирхин, главный научный сотрудник Института физики металлов УрО РАН.

Попытаюсь подвести итоги жизни этого человека.

Впрочем, его научные труды продолжают жить: в начале 2009-го отпечатан тираж второго издания монографии [1], ставшей итогом его научной деятельности; чуть раньше, в 2007-м, вышло в свет английское издание этой книги [2], над корректурой которой он работал уже тяжело, неизлечимо больным...

Юрий Павлович родился в 1930 году в Саратове, там провел детство и юность. (До конца жизни он вспоминал любимую Волгу.) Насколько я знаю, особенно трудно, порой отчаянно трудно ему было в годы Отечественной войны и сразу после нее. Однако барьеры, поломавшие жизни многих его сверстников, почему-то отступали пред ним.

В черновике последней автобиографии (2007) Ю. П. написал: «Это [военное время] повлияло на выбор профессии, которая должна была быть противопоставлена войне. В результате я оказался на физфаке».

Пожалуй, в то время это был чуть ли не единственный достойный выбор. А в качестве примера для себя Ю. П. потом всегда называл П. Л. Капицу, принципиально отказавшегося от сотрудничества с Л. П. Берия в атомном проекте...

Юрий Павлович окончил с отличием Саратовский университет (1948–1953), где под руководством М. А. Ковнера выполнял первые научные работы (по электронным спектрам молекул).

По рекомендации своего руководителя он намеревался продолжить образование в аспирантуре МГУ, но был провален на вступительном экзамене. (Я полагаю, что вовсе не из-за недостатка знаний.)

Так Ю. П. и оказался в Свердловске – в аспирантуре и одновременно на должности лаборанта в Институте физики металлов.

На протяжении всей дальнейшей жизни он работал здесь в отделе теоретической физики (в 1988–1996 годах был заве-

дующим лабораторией теории переходных металлов в составе этого отдела). На первых порах ему очень помогало сотрудничество с С. В. Вонсовским и Е. А. Туровым, их опекунство; в дальнейшем большинство работ Ю. П. делал или единолично, или в соавторстве со своими учениками.

В 1957 году он защитил кандидатскую диссертацию по физическим свойствам магнитных полупроводников, а в 1967-м – докторскую, посвященную взаимосвязи электрических и магнитных характеристик твердых тел.

Типичный путь ученого... Естественно, что одни коллеги в силу суммы обстоятельств достигают большего, другие – меньшего.

Ю. П. никогда не заботился о карьере, званиях. Хотя в 1984 году ему была присуждена Государственная премия СССР за исследования магнетизма редкоземельных металлов и их соединений. Это красноречивый результат научной работы.

Здесь уместно, пожалуй, лишь коснуться обширного научного наследия Ю. П. в теории твердого тела. Так, достигнутые им результаты в теории магнитной анизотропии и аномальных кинетических эффектов в металлах, несомненно, останутся в мировой физике. Эти работы и сейчас широко цитируются в российских и зарубежных монографиях (хотя приоритет Ю. П. был несколько затусован задержками публикаций в советских журналах – особенно в ЖЭТФ – в 1960–1970-е годы).

Им также был выполнен ряд важных работ по зонному магнетизму и многоэлек-

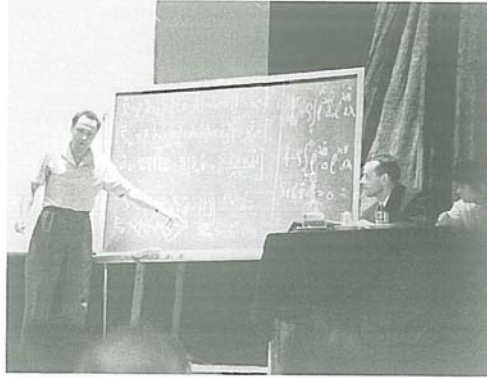
тронной модели Хаббарда. А в 2000-е годы основной темой его исследований стала теория локальных магнитных полей и связь магнитной анизотропии со сверхтонкими полями на ядре.

Всего Ю. П. опубликовал около 100 оригинальных статей в советских, россий-

различными видами спорта (бокс, баскетбол, лыжи, плавание).

Еще в Саратове перед ним открывалась карьера профессионального шахматиста (в то время весьма престижная): он уже имел звание кандидата в мастера, а его другом и партнером был будущий зна-

Выступает Ю. П. Ирхин.
За столом – академик
С. В. Вонсовский

Е. В. Кузьмин, В. А. Туров,
В. И. Гребенников,
Ю. П. Ирхин
(крайний справа)

ских и международных журналах (он стремился не к количеству, а к качеству) и несколько обзоров [3–4].

У него всегда было много друзей. Даже в первые годы жизни в Свердловске, несмотря на нелегкие условия (маленькие дети, скитания по общежитиям и частным квартирам, на оплату которых уходила основная часть стипендии и зарплаты), наш дом был радушно открыт перед гостями. Вместе с товарищами Ю. П. в свободное от физики время работал в «самстрое», чтоб получить квартиру для семьи...

Помимо преданности науке, отец обладал широким кругом увлечений.

Так, ему нравилось заниматься фотографией, любительской киносъемкой. В ИФМ Ю. П. активно участвовал в постановках самодеятельных опер, о которых ныне ходят легенды. Он любил живопись, особенно импрессионистов (в первую голову Ван Гога), и серьезную музыку (как классическую, так и современную – например, Шнитке). И естественно, что среди его друзей были не только физики, но и музыканты, художники. А в заграничных поездках он, не жалеючи, тратил считанные-пересчитанные деньги на альбомы по искусству. Впрочем, Ю. П. не только собирал репродукции, но и сам рисовал углем, пастелью, масляными красками.

На протяжении многих лет он, не обладая должными физическими данными, но упорно преодолевая себя, занимался

менитый гроссмейстер и шахматный психолог Н. В. Крогиус. Однако Ю. П. выбрал физику. Впрочем, интерес к шахматам отец сохранил на всю жизнь, видя в этой игре адекватную по степени абстракции и богатству модель физической реальности.

В последние годы жизни, бесспорно, главной его страстью стала «практическая» минералогия: Ю. П. собирал камни на месторождениях Урала, резал и шлифовал их, а затем обычно раздаривал. В минералах его привлекали совершенство структуры и формы, природная красота, гармония.

Пожалуй, главным мотивом и источником активной деятельности Ю. П. были постоянный интерес к окружающему миру, стремление к познанию, поиск ответов на вечные вопросы. Эти качества он пронес через всю жизнь.

Он умел увлечь и зажечь своими интересами и коллег, и друзей, и родных.

Будучи человеком тонким, чувствительным, Ю. П., однако, всегда стремился довести дело до материального результата, чтоб можно было посмотреть, пощупать. Он не слишком уважал голые философские рассуждения, во всем требовал перехода к практике...

Что дал Ю. П. близким? По-моему – очень многое.

Знакомство с будущей женой Людмилой Николаевной Петровой произошло в

1952 году на заседании физического кружка Саратовского университета, которое вел пятикурсник Юра Ирхин. Ее тогда поразил его интеллект. В 1956 году они поженились. Моя мама поступила на кафедру физики УПИ, где стала работать ассистентом, а затем доцентом. Бытовые трудности и рождение сыновей сплотили семью. Залогом ее крепости были личные качества Ю. П.

Детям он всячески прививал любовь к книгам, к природе, к труду. Несколько позже отец старался передать мне свое отношение к науке, хотя, как видно, получилось далеко не все. Зато, конечно, неотразимое и неизгладимое личное воздействие имели его честность и бескомпромиссность в этических оценках. Стремление к свободе и независимости, однако, удивительным образом сочеталось у него с требованием аккуратности и твердого распорядка в работе и жизни, с определенным аскетизмом в быту.

Да, Ю. П. был доброжелателен, чуток к людям, внешне абсолютно деликатен, но предельно тверд в своих убеждениях и полностью независим в суждениях, поступках. И в быту, и в любых дискуссиях он никогда не допускал грубых слов; единственным оружием для него служил юмор, который окружающими (но отнюдь не им самим) частенько воспринимался, однако, как резкая ирония.

Во всем отец умел видеть смешные стороны. Например, он любил горделиво рассказывать, как, в отличие от всех коллег, разными правдами и неправдами смог избежать обучения в университете марксизма-ленинизма.

У Ю. П. было, было именно свое мировоззрение, на первый взгляд вполне материалистическое, но на самом деле очень глубокое.

Он с вниманием и любовью воспринимал и природу, и людей, но в то же время умел дистанцироваться от окружающего мира и бытовых проблем, обладая сильным абстрактным умом. Близкие постоянно чувствовали, что Ю. П. понимает о жизни что-то очень важное. Недаром друзья в шутку называли его «гуру» (учитель-мудрец).

Всегда сохраняя критичное отношение к окружающей действительности, Ю. П.

в то же время не отрицал никаких возможностей и стремился к широкому взгляду на вещи (можно сказать, что такой «либерализм» был для него самоценным принципом и элементом культуры). Вспоминаю его выступление на заседании киноклуба, посвященном фильму К. Лопушанского

Государственная премия.
А. А. Самохвалов
и Ю. П. Ирхин (справа)

«Письма мертвого человека»: вопреки мрачному настроению аудитории, проникшейся апокалиптическим духом картины, отец вдруг сказал, что для отчаяния нет причин – ведь мы, люди, еще так мало знаем о происхождении Вселенной и Человека, о движущих силах мироздания.

И в научной работе у Ю. П. был свой стиль, основанный на собственных убеждениях: авторитеты в физике (как и в любой другой области) для него мало что значили. Впрочем, образцом служил индуктивный метод Ньютона. Отец любил повторять: «Примеры полезнее правил».

Он постоянно говорил о необходимости делать принципиально новое и жил по этому принципу; он старался выбрать фундаментальную проблему высокого ранга – независимо от моды и конъюнктуры – и считал это самым важным пунктом, который нужно обсуждать, осмысливать, не жалея времени.

Ему был очень близок, даже болезненно близок герой фильма Е. Габриловича и И. Авербаха «Монолог» – ученый, который оставляет большую административную должность ради нового направления исследований. Но, к несчастью, подобное у нас являлось и является исключением: большинство всегда предпочитают простые пути. «Царской дороги в науке нет», – любил повторять Ю. П.

Наверное, ему понравилось бы вот такое рассуждение ученого-гуманитария:

Говоря о высотном лабиринте выработки культурных вкусов, подчеркнем еще одно: путь по нему бесконечен, нет такой ступеньки, на которой можно было бы остановиться с гордым чувством, что она последняя и выше ничего нет. Это важно, потому что советская школа семьде-

Мои родители

сят лет исходила из противоположного: подносила учащимся только бесспорные истины. Они менялись, но всегда оставались истинами в последней инстанции – будь то в физике или истории, в математике или литературе. Школа из всех сил вбивала в молодых людей представление, что культура – это не процесс, а готовый результат, сумма каких-то достижений, венец которых – марксизм. А когда человек с таким убеждением останавливается на любой ступеньке и гордо смотрит сверху вниз, то это уже становится общественным бедствием: ему ничего не докажешь, он сам всякому прикажет. Подчеркиваю, на любой ступеньке: застынет ли человек в своем развитии на Агате Кристи, или на Тургеневе, или на Джойсе, это все равно [5, с. 208].

Хотя Ю. П. был физиком-теоретиком, его отличительной чертой как ученого было настоятельное стремление связать любую теорию с экспериментом. В работе он тесно сотрудничал с экспериментаторами, и они всегда уважали друг друга.

Ю. П. постоянно стремился к полной ясности физических результатов, предъявляя высокие требования к их качеству. Возможно, не один я надолго запомнил его слова: «Если ты не способен изложить свой результат за пять минут, значит у тебя его нет».

Его принципиальность как рецензента была широко известна: на компромис-

сы в науке он не шел – провести через него слабую работу было невозможно.

Требую от своих учеников доведения окончательных результатов до простых и наглядных формул, Ю. П. применял этот критерий и к любой статье, своей или чужой.

Как я помню, каждый день отец начинал с того, что исписывал несколько листов формулами... Падение с возрастом научной продуктивности он переживал тяжело, мучительно.

Ю. П. предельно тщательно, ответственно готовился к научным семинарам и выступлениям на конференциях. (С зарубежными коллегами – англичанами, американцами, немцами, французами – он обычно общался на их родных языках, которые освоил самостоятельно.) Последние доклады на международных конференциях в Москве и Ижевске отец делал уже совсем больным, с высоким давлением, однако никому не позволил заметить это: полностью выложившись, лишь молча улыбался знакомым.

Он читал лекционные курсы по физике твердого тела в Уральском политехническом институте и Уральском университете, стремясь сделать эти лекции максимально прозрачными и «физичными», что у него, по-моему, получалось.

Ю. П. с подозрением относился к результатам, получаемым с помощью ЭВМ, полагая, что численные расчеты могут только пояснять, но не заменять формулы. В 2000-е годы он, конечно, начал осваивать персональный компьютер и использовал его при подготовке статей, однако машинные вычисления уже не приносили ему творческого удовлетворения...

Последние годы Юрия Павловича были омрачены болезнью (инсульт), которая заставляла его погружаться во внутренний мир мыслей и телесных ощущений, иногда, наверное, очень тягостных. Правда, он пытался, все-таки пытался сделать все это предметом научного исследования и анализа.

Вообще, постперестроечное время целиком оказалось для Ю. П. нелегким. Друзья, ученики, коллеги уходили из жизни или из науки, оказывались в эмиграции. Рушились, рассыпались и исчезали иллюзии. Кажущаяся свобода научного ис-

следования обернулась борьбой за выживание и откровенным цинизмом.

Однако отец до конца, до последней черты не прерывал напряженной работы в науке: например, считал долгом – почему?! – участвовать в изнуряющих дискуссиях по физике с коллегами. Он сохранял

в 1950–1960-е годы Ю. П. с друзьями (большинства из них уже нет в живых) посещал семинары Н. В. Тимофеева-Ресовского по эволюционной генетике в УФАНе, пытаясь перенести выводы Николая Владимировича на свою научную область. Эта тема не отпускала его.

ясный ум и большое чувство юмора, удивлял близких тонкими и парадоксальными оценками.

Большинство предлагаемых вашему вниманию записей профессора-физика Юрия Павловича Ирхина было сделано в 1970–1980-е годы, то есть в период его творческого расцвета и духовного поиска.

Однако на фоне богатой внутренней жизни со страниц проступает трагическое ощущение окружающей советской реальности.

Ю. П. душою болел за судьбу отечественной науки, ясно видя невозможность творческой реализации для способных людей в условиях царящей несправедливости. Он давал достаточно нелюбимые оценки советской академической науке в ее негативных тенденциях, что в полной мере проявились через двадцать с лишним лет. (Подробно такие фрагменты мы не приводим, поскольку в наше циничное время они, к несчастью, звучат почти банально.)

Юрия Павловича волновали и общие проблемы мироздания. В сохранившихся черновиках есть и лирические стихи (он любил поэзию, особенно ценил Маяковского за оригинальную форму и рифму, ставил его наравне с Пушкиным), и философские замечания.

Особое место занимали мысли о проблемах биологии и общества, о судьбе и свободе, эволюции, жизни и смерти. Еще

Много прочитав в молодости и зрелости (в том числе ознакомившись с Библией), Ю. П. затем почти не возвращался к книгам (исключения не в счет). Он пытался действовать своим разумом, уже не доверяя чужим концепциям. Его острый ум, честно сомневающийся во всем, упорно искал решения последних вопросов бытия с помощью физики (плодотворность этого языка продемонстрировали Стругацкие в повести «За миллиард лет до конца света», которая очень нравилась отцу).

Отрицая, например, чистую математику, которая казалась ему уж слишком бедной, безжизненной, Ю. П., однако, не переходил привычных границ естественных наук. Понятие веры носило для него скорее внешний, схоластический характер, поскольку связывалось с религиозными догмами. Здесь переубедить отца было очень трудно: у него был свой путь, и он всегда стремился отделить науку от «ненауки». Чтоб проиллюстрировать стиль дискуссий с ним, стоит еще раз процитировать М. Л. Гаспарова:

«*“Ведь есть же такая вещь, как просто понимание, которую вы упорно отрицаете”, – сказал мне С. Ав. [Сергей Аверинцев]. – “Сергея, когда я позволял себе что-нибудь просто понимать, это всегда кончалось катастрофой”. “Просто” – это значит несообщимо*» [5, с. 371].

С младшим сыном
Леонидом

Саакадемиком
В. М. Счастливым
(одна из последних
фотографий)

Выступление
на конференции.
2007 год

Тот, кто вступил на Путь, должен идти по нему с полной личной ответственностью.

К сожалению, времени и сил на то, чтобы понять и перепроверить на собственном опыте все ставшее доступным после перестройки, Юрию Павловичу не хватило.

Читая эти заметки, невольно замечаешь:

Литература

1. *Ирхин В. Ю., Ирхин Ю. П.* Электронная структура, физические свойства и корреляционные эффекты в *d*- и *f*-металлах и их соединениях. Екатеринбург, 2004; Ижевск, 2008.
2. *Irkhin V. Yu., Irkhin Yu. P.* Electronic structure, correlation effects and properties of *d*- and *f*-metals and their compounds. Cambridge International Science Publishing, 2007.
3. *Ирхин Ю. П.* Электронное строение 4*f*-оболочек и магнетизм редкоземельных металлов // Успехи физ. наук. 1988. Т. 154, вып. 2. С. 321–333
4. *Irkhin V. Yu., Irkhin Yu. P.* Many-electron operator approach in the solid state theory // Phys. stat. sol. (b). 1994. Vol. 193, № 1. P. 9–58.
5. *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2008.

Ю. П. Ирхин
Попутные записи

Физика – это свобода.

***

Математика – это физика прошлого века.

Математика – шашки, физика – шахматы.

Феноменология – фотография, микроскопия – живопись.

***

Основная загадка природы заключается в разнообразии ее форм.

Кристалл – периодическая структура в пространстве. Биологическая материя – периодическая структура во времени. Основное состояние, то есть конечное состояние, к которому стремится материя, должно быть невырожденным. Это означает, что из всего многообразия материи останется только одна структура.

Какое же значение имеет такое многообразие структур в промежуточных неосновных состояниях? Может быть, от числа структур промежуточного состояния зависит время его жизни?

В биоматерии и в кристаллах каждая индивидуальная структура стремится рас-

местами для течения и дальнейшего развития авторской мысли не хватает диалогичности. Но чего не было, того здесь нет...

Со страниц предстает живой мыслящий человек, и кое-что в них звучит, по моему, весьма современно. Пожалуй, их лейтмотивом является поиск духовной свободы. Это абсолютно честный взгляд ученого на физику, на жизнь, на мир.

пространиться (во времени и в пространстве соответственно) и стать единственной структурой в конечном состоянии. Однако все они исключают друг друга?

Жизнь – это отклонение от основного (идеального) состояния, и потому она существенно неидеальна.

***

Физика (и вся наука?!) занимается только такими величинами, у которых имеются средние значения.

***

Каждое материальное образование есть зародыш будущего мира. Но только одно из этих образований может реализовать себя в конечном итоге (в окончательной форме мира). Все остальные погибнут. Однако возможно и такое, что все формы материи объединятся в некий комплекс, который будет соответствовать минимуму энергии и максимуму энтропии.

***

Сценарии развития Вселенной: неужели имеет значение (в частности, для Иванова и Сидорова), кто останется в конечном итоге – Иванов или Сидоров? (1991)

***

Отличие рефлекса (память животных) от памяти у человека заключается в од-

нозначности результата (при рефлексе), что, возможно, связано с нестатистическим (или менее статистическим) характером записи информации в клетках мозга.

***

Маленький мальчонка на крыльце сидит.
У него печальный и счастливый вид.
Он грустит немного по ушедшим дням.
Старенькая улица от домов тесна,
Мальчиком любитесь небо и весна.

***

Словно сквозь огромную трубу, уходящую далеко-далеко, вижу я себя маленьким мальчиком. Все окружающее меня сейчас – вместе со мной у начала трубы. Я смотрю в нее. Труба сходится почти в точку. Где-то вдали – к сидящему на крыльце пятилетнему мальчику с аппетитным ломтем хлеба в руке. Я это или не я? Не могу сказать с уверенностью. Чувствую только, как наполняет меня что-то родное и реальное – очень близкое! – в самой глубине моего существа.

***

Если б мог я родиться заново,
Сбросив жизни разросшийся ком,
Я бы жил словно в Детстве Ивановом,
Прерываемом школьным звонком.

Я влюбился бы в синее небо
Или в ливень весенний с грозой.
Ничего бы не ел, кроме хлеба,
Размочив его чистой водой.

***

Еще я мог бы сделать что-то,
Как делал и до этого не раз.
Но это все второго сорта,
А мне пора бы в высший класс.

И вот, как сотни лет назад
Алмаз гранили предки наши,
Я мысль свою – дорогу в ад –
Преображу оружием страшным.

***

Вы мне поверьте –
Справедливость только в смерти.

***

Установление одной формы собственности – государственной – важно, может быть, не столько в экономическом отношении, сколько в политическом и социальном. Устанавливается система власти. (1978)

***

1. Если увеличение цен на продукты первой необходимости является социально несправедливым, то это означает, что распределение национального дохода (то есть зарплата различных категорий населения) неправильно.

2. Средняя администрация является промежуточным звеном между производством и высшей администрацией. Она не может быть хорошей, если высшая администрация плохая, – в силу закона непрерывности. (13.3.1987)

***

– Как дела?

– Дела у воров и бандитов, а у меня жизнь.

***

Когда меня начинают упрекать за то, что я не сделал карьеры, соответствующей моим возможностям, в то время как другие люди моего возраста, и притом менее способные, давно обогнали меня, я отвечаю: «О каких способностях ты говоришь – о подлости? У меня такая способность очень слабо развита».

***

Словно гидра стоголовая!
Корчась, воя и дрожа,
Не могу понять ни слова я
В русской речи грабежа.

Здесь и мальчики фартовые,
Да и девочки на ять!
Как у кабака портового
Можно девочку нанять.

И среди этой рвани чопорной,
Среди топота сапог
Я стою один безропотно,
Тихо сгорбившись в комок.

***

Почему у нас нет хороших поэтов... Потому что нельзя писать хорошо за деньги. А без денег у нас человек прожить не может. Поэт должен жить плохо и быть несчастным. Кто же на это заранее согласится?! Отсюда вывод: поэтом можно стать только случайно, при стечении различных обстоятельств. Им становится тот, у кого нет другого выхода. Если уж все равно плохо, по крайней мере лучше стать поэтом.

Но на самом деле выход не может найти тот, кто не в состоянии преодолеть свою честность. Таким образом, почти

Юрий Павлович
и Валентин Юрьевич
на ступенях МГУ

Все быстрее несутся мимо
Люди – женщины и дети.
Лица их в оскале грима
С поворотом на две трети.

Лишь в глазах у них смятение –
Не успеть сказать ни слова.
Вот еще пройдет мгновение,
И один помчишься снова.

***

Последний интеграл

Он устал. Это бывало и раньше. Но сейчас, когда конец работы был близок, он почувствовал, как он устал. И пожалуй, главной причиной усталости было не то, что работа длилась так долго, а то, что она скоро кончится. Ее больше не будет... и ничего не будет взамен нее.

***

Мои страдания – вам забава,
Но я прощенья не прошу.
Нет у меня на это права –
Раскрыть спасенья парашют.

Я вниз лечу, конец уж близок,
Сейчас мне ясно видно все,
И прошлой [новой (*зачеркнуто*)]
жизни страшный призрак
Вцепился в левое плечо.

***

– Почему у тебя душа не болит?
– Я не душевнобольной.

***

Взрослый человек вдруг начинает рasti. Что из этого может получиться?

***

Я тоже хочу быть человеком.

***

Кому нужны твои шедевры,
Чему отдал ты столько сил?
Ты не последний и не первый
Средь тех, кто заблужденье жил.

Ты им хотел вручить всю душу,
Сулил манящие миры...
А им нужны лишь маляры.

***

А все же прав старик Эйнштейн был, когда сказал, что для теоретика лучше всего вахтером работать. Теперь я его хорошо понимаю. Юбилеев-то у вахтеров не бывает. Я бы тоже в вахтеры пошел,

но, думаю, устроиться трудно будет. У меня знакомый инженер на заводе работает – хотел в рабочие перейти, так ничего не вышло. Сказали: с дипломом запрещено строго-настрога. Структура рабочего класса от этого ухудшиться может.

Так что приходится в теоретике оставаться. Хотя, честно говоря, и у нас при известной ловкости жить все-таки можно, особенно если юбилей уже позади.

***

Я благодарен этой науке...

Теоретическая физика – это такая специфическая область человеческой деятельности, которая позволяет человеку сохранять молодость до старости, оставаться ребенком всю свою взрослую жизнь. В самом деле, кто еще, кроме детей, способен заниматься такой бесполезной наукой.

Рассказывают, что на юбилее Ландау одно из поздравлений гласило: кому теперь не 50, разве только мальчишкам?

Имеется и другой аспект этой же мысли. Только сохранив невинность ребенка, можно полностью отдаться какой-либо идее. Люди понимали это уже очень давно. Так, во времена крестовых походов после многих неудачных попыток в качестве последнего средства возникла мысль: организовать поход... детей. Естественно, что в реальном человеческом обществе эта мысль абсурдна, и ее осуществление заранее обречено на провал. Но какова сама мысль...

Вот так и теоретики вынуждены оставаться детьми, если они хотят быть теоретиками по существу, а не по названию.

Все, что я сказал, конечно, не относится непосредственно ко мне. Я только высказываю некую абстрактную идею – к вопросу о том, почему теоретики умирают молодыми.

***

Я беднее, чем самый последний нищий,
У которого нет ни крова, ни пищи.
И, кроме того, нищих – тыщи,
А меня – где еще сыщешь.